

РОЛЬ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ В ОСКОРБЛЕНИИ

Т. В. Ильина, О. А. Швецова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается роль оценочных суффиксов в определении признаков оскорбления, что может быть полезным экспертам, практикующим проведение лингвистических экспертиз (в том числе и по делам об оскорблении). В ходе исследования авторы выделили ряд оценочных суффиксов, влияющих на приобретение высказыванием неприличной формы, что имеет основное значение для квалификации его как оскорбительного. Сделанные выводы подкреплены исчерпывающим языковым материалом.

Ключевые слова: оскорбление, оценочный суффикс, деминутив, негативная информация, неприличная форма, лингвистическая экспертиза.

Abstract: the article examines the role of evaluative suffixes in determining the signs of insult, which may be useful for experts practicing linguistic expertise (including in cases of insult). In the course of the study, the authors identified a number of evaluative suffixes that affect the acquisition of an indecent form by a statement, which is of primary importance for qualifying it as offensive. The conclusions drawn are supported by comprehensive language material.

Keywords: insult, evaluative suffix, diminutive, negative information, indecent form, linguistic expertise.

В конфликтной коммуникации лингвист-эксперт постоянно сталкивается с анализом того, что сказано в тексте о том или ином лице, в какой форме это сказано и с какой целью. К сожалению, в современной речевой практике всё чаще это сказанное оказывается унизительным и оскорбительным.

Оскорбление является одной из форм причинения морального вреда личности, что связано с распространением о человеке негативной информации. Под **негативной информацией** принято понимать выраженную при помощи языковых средств информацию о плохих свойствах, действиях человека, которые противоречат представлениям о норме (правовой, этической, религиозной и т.п.). «Это сведения о ситуации, событии (явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества (или на основании социально, культурологически обусловленных, национально специфических, местных стереотипов восприятия и реагирования) считаются нехорошими, непохвальными, неблагоприятными для данного социума, общественно осуждаемыми», — подчеркивает Е. И. Галышина [5, 256].

В экспертных заключениях по делам об оскорблении, подчеркивает К. И. Бринёв, конвенциальному «разрешению» подвергаются два концепта: **оскорбительность** либо **оскорбление и неприличная форма** [2, 106]. Под **неприличной формой** понимается «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам, правилам поведения в обществе форма унизительного обращения с человеком.

Установление непристойности формы выражения негативной оценки лица относится к компетенции суда. Наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший, а непристойность формы высказывания оценивается судом» [5, 277].

С лингвистической точки зрения, считает Е. И. Галышина, **неприличная форма** — это «наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Эта лексика в момент опубликования текста воспринимается большинством читателей как недопустимая в печатном тексте (официально-деловом стиле речи)». Таким образом, **неприличная форма** применительно к лингвистической экспертизе — это форма оскорбительная, то есть содержащая оскорбительные для адресата (истца) слова и выражения, выраженные в неприличной и иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме [5, 290].

Основными критериями криминалистического диагностического комплекса **неприличная форма** являются, по мнению Е. И. Галышиной, следующие: 1. лексикографический — представленность значения слова / устойчивого выражения в академических словарях и/или словарях субстандартной лексики русского языка; 2. стилистический — значения слов / устойчивых выражений стилистически маркированы пометами *нечензурное / обоценное / неприличное / вульгарное / вульгарно-просторечное / бранное / просторечное / сниженное*; 3. семантический — сло-

ва / устойчивые выражения, значения которых стилистически маркированы пометами *неприличное / вульгарное / вульгарно-просторечное*, семантически относятся к сексуальной / экспрессивной лексике или образованы от слов, семантически относящихся к сексуальной / экспрессивной лексике, либо относятся к инвективной лексике [5, 295].

Оскорбительная (инвективная, ругательная, бранная) лексика, по мнению составителей «Методических рекомендаций по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ», — это лексика, которая «может употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица; потенциально оскорбительная. К инвективной относят прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа *мерзавец* в конкретной ситуации может противоречить нормам общественной морали в не меньшей степени)» [1, 115].

В свою очередь, к неприличной (непристойной, обсценной, матерной) лексике относятся слова, которые в момент их опубликования считаются неприличными, недостойными того, чтобы быть напечатанными, хотя, возможно, и могущими быть произнесенными в определенной ситуации. «Непристойная лексика, неприличная лексика, обсценная лексика — грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий реагирует на ситуацию; такая лексика, как правило, табуирована, то есть запрещена для публичного употребления в силу сложившихся традиций», — подчеркивают Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский и И. В. Жарков [1, 141].

Другие лингвисты, например, В. И. Желвис, И. А. Стернин, считают, что в российской общественной практике непристойность связана прежде всего с сексуальными понятиями — грубыми названиями гениталий, полового акта, половых отклонений и проч. [8, 227; 13, 16].

Таким образом, мы видим, что в настоящее время в лингвистической экспертологии относительно метаязыкового уровня кодирования информации не вызывает сомнений наличие лишь одной абсолютной нормы по отношению к языковым средствам: в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обсценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность. Употребление других языковых средств оценивается как неприличное по отношению к другой шкале: оскорбление как форма речевого поведения считается неприличной, и в данном случае не является важным, в какой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление [2, 119].

В настоящее время лингвистами определены основные категории лексических и фразеологических

единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для данного лица характер. К таким единицам относятся слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность, например: *бандит, жулик, мошенник*; название ряда профессий, употребляемых в переносном значении, например: *мясник, палач*; фито-зоосемантические метафоры, подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека, например: *корова* (неуклюжесть), *осёл* (глупость); слова, отражающие экспрессивную негативную оценку поведения человека, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию, например: *негодяй, хам*; глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой, например: *воровать, хануть*; прилагательные с осуждающим значением или негативной оценкой, например: *продажный, подлый*; эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер, например: *женщина легкого поведения, интердевочка*; нецензурные слова, использованные в качестве характеристики определенного лица; специальные негативно-оценочные каламбурные образования, например: *коммуняки, дермоиды*; не-нормативные лексико-фразеологические единицы из жаргонов, территориальных диалектов, просторечия, например: *расташиловка, козёл, вертухай*; пейоративные личные имена, например *Колька, Люська* в определенном контексте; деминутивы с суффиксами, придающими слову пренебрежительно-уменьшительный оттенок, например: *депутатишко, лекаришка, токаришка* [6, 33–35; 14, 333–349].

Легко заметить, что в основе экспертного анализа лежат категории, связанные с лексикой и фразеологией, однако особого внимания заслуживает последний пункт предложенного списка, так как деминутивы (производное имя существительное или прилагательное со значением малости, имеющее добавочный экспрессивно-эмоциональный оттенок значения ласкательности, сочувствия, умиления или, наоборот, уничижительности, пренебрежения могут являться носителями оскорбительного содержания [7].

На наш взгляд, роль деминутивов (конечно, не всех, а некоторых из них) незаслуженно умаляется лингвистами при проведении экспертиз.

Постараемся проанализировать ряд суффиксов, которые имеют не просто оценочное значение, а подчеркивают уничижительность лица, которому адресовано высказывание. Считаем, что лингвистам-экспертам стоит обращать на данные деминутивы внимание при составлении заключений.

1. Суффикс *-ишк-*. Существительные всех трех родов и *pluralia tantum* с суф. *-ишк-* имеют значение пренебрежительности, уничижительности. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется; при этом существительные жен. р. и одушевленные муж. р. относятся ко II скл. (флексия *-а* в им. п. ед. ч.),

а существительные сред. р. и неодушевленные муж. р.— к I скл. (флексия *-о*): а) *мыслишка, службишка, страстишка, лгуншка; б) письшишка, здоровышко, одеялишко, народишко, хвостишко, городишко*. Существительные, мотивированные словами *pluralia tantum*, сохраняют эту характеристику: *дровишки, штанишки, людишки* [11, 295].

Данный тип продуктивен в разговорной и художественной речи.

Ученые указывают на продуктивность суффикса *-ишк-* в современном русском языке. Он встречается в производных мужского, женского, среднего и общего родов. Тип оценки слов с данными суффиксами определяется неоднозначно. В. В. Виноградов отмечает отрицательную коннотацию, называет суффиксом «с презрительным значением» [4, 124], З. А. Потиха также говорит о ее преобладании, но допускает наличие положительной семантики. В результате анализа суффикса *-ишк-* в русском языке XI–XVII вв. выделены два типа оценки, причем отрицательная коннотация реализуется чаще. Следовательно, несмотря на разные мнения, в целом видно, что в современном русском языке суффикс *-ишк-* сохранил морфологическую характеристику и свое значение [3, 6].

Данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [9] подтверждают негативную окраску существительных, образованных с помощью суффикса *-ишк-*. Например: *Адвокатишкa был дрянной* (Л. Н. Толстой.); *Встреча назначена была с одним адвокатишкой паршивым, сам он по себе дырка от бублика, но со связями, стервец* (О. А. Славникова); *Я знаю одного полубезумного купчишку, большого манией преследования* (А. И. Алдан-Семенов); *Осипшим голосом он пытался кричать: — И этот подонок... это ничтожество... жалкий актеришкa... паршивый Треплев... трепло...* (В. П. Катаев); *У Фроща везде могут быть свои глаза и уши, контрразведчик он неплохой, а человечишкa поганый* (В. Черкасов).

Из сотни примеров нами не обнаружен ни один контекст, в котором данная лексема использовалась бы в ином значении, кроме уничижительности лица. Усугубляет оценку частое соседство существительного с определениями «паршивый», «дешевый», «дряной», «поганый».

2. Суффиксы *-онк-/ёнк-*. Существительные жен. и муж. р. и *pluralia tantum* с суф. *-онк-/ёнк-* имеют чаще уменьшительно-уничижительное значение. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется; мотивирующие — одушевленные существительные муж. р., одушевленные и неодушевленные жен. р.: а) *мужичонка, старичонка; б) избёнка, душонка; в) pluralia tantum: зубёнки, деньжонки*. Парно-твёрдые согласные чередуются перед суффиксом с мягкими, заднеязычными — с шипящими: *баба — бабёнка* (прост.), *старуха — старушонка* [11, с. 166].

В. В. Виноградов считает, что основное значение суффикса *-онк-/ёнк-* уничижительно-прези-

тельное, называет его «продуктивным суффиксом с экспрессией презрения», реже это значение поглощается уменьшительно-ласкательным: *рученка, ру-башонка* (обычно в оценке неодушевленного предмета) [4, с. 125].

Тип продуктивен в разговорной, художественной и публицистической речи: *Кто-то потрогал меня за плечо — я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез* (И. А. Бунин); *Зато две-то стороны разом не успеет обвести мертвой рукой зловредная старушонка, ежели опять придет под башенные стены* (В. Ю. Кунгурцева); *Муж у нее — этакий незаметный мужичонка с наスマрком* (И. Грекова); *Надоело мне это дело, говорю ему прямо: бездельник ты, непутевой, никчемный ты мужичонка!* (А. Русских); — *Да что! И так половина подружек — уже разведёнки. Брошенки* (О. Покровская); *Я окажусь обреченной на жалкое существование бедной одинокой разведёнки* (К. Яхонтова).

В текстах по данным НКРЯ [9] все найденные примеры, кроме предложений со словом *старушонка*, подтверждают мнение лингвистов о том, что продуктивный суффикс *-онк-/ёнк-* подчеркивает намеренное презрительное отношение говорящего к названному лицу. В примерах с лексемой *старушонка* реже, но обнаруживалось уменьшительно-ласкательное значение. Например: *Посмотрев в сторону крика, я легко обнаружил его источник: маленькая старушонка по фамилии Чекушина, в платочке, удивительно громко кричащая для своей комплекции и возраста* (А. А. Ботев).

3. Суффикс *-ёшк-*. Существительные жен. р. с суф. *-ёшк(а)* имеют уменьшительно-уничижительное значение: *рыбёшка, бабёшка*. Тип обнаруживает продуктивность в разговорной речи и просторечии.

Семантика суффикса *-ёшк-* в современном русском языке определяется неоднозначно. В настоящее время он используется для образования нарицательных производных. В. В. Виноградов считает, что суффикс *-ёшк-* «непродуктивный», «с резко выраженной экспрессией презрения» [4, 126].

НКРЯ [9] выдал иллюстративный материал, в котором четко определено уничижительное значение суффикса *-ёшк-*. Об этом же свидетельствует и контекст: *С разбитыми думскими бабёшками, в командировках с неизбежными проститутками* (С. Шаргунов); *А также она не слишком стремилась выслушивать прозрения Толика о том, что всех заразила Катерина, что она «жадная бабёшка»¹ и «подстилка», и то, что Толик на нее никогда бы не польстился, ибо она не в его вкусе — слишком пухлая и дебелая* (Д. Симонова).

¹ Интересно отметить, что в слове *бабёшка* суффикс *-ёшк-* имеет уничижительное значение заметно больше, чем суффикс *-ёнк-* в слове *бабёнка*, однако суффикс *-ёнк-/онк-* в слове *мужичонка* всегда приобретает значение презрительности.

3. Д. Потиха подчеркивает, что формант *-ёшк-* «выделяется в нерегулярных существительных, обозначающих предметы и имеющих ласкательное значение: *матрёшка, рыбёшка* [10, 80]. Однако стоит отметить, что такое значение появляется у существительных, образованных от существительных, не обозначающих лицо (человека).

4. Суффикс *-ашк(а)*. С помощью суффикса *-ашк(а)* образуются разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов. Такие существительные, обозначающие лицо, содержат оттенок непринужденности, фамильярности, иногда грубоватости: *папашка, старикашка, побирашка*. Конечно, можно встретить существительные, в которых суффикс *-ашк-* не имеет значения презрительности (*мордашка, компашка*), однако смеем предположить, что это связано лишь с тем, что данные лексемы не называют лицо. Об этом свидетельствует и иллюстративный материал НКРЯ [9]: *Замшелый старикашка битый час наседал на дурня и невежду и, сломленный, громогласно обозвал гороховейца лопухом и тушицею* (А. Азольский); *Правду говоря, это вредный, склонный старикашка, состоящий в кондрах не только со всем подъездом, но даже с кошками и собаками жильцов* (М. Б. Бару).

По мнению И. А. Стернина, оценочные высказывания могут быть негативно-оценочными и позитивно-оценочными: «Оскорбительными могут быть только негативные оценочные высказывания» [12, 193].

Проанализированные нами суффиксы *-ишк*, *-онк*, *-ёнк*, *-ёшк*, *-ашк(а)* однозначно придают высказыванию негативную оценку, а значит, могут делать его оскорбительным. Кроме того, ключевой признак в оскорблении — «неприличная форма высказывания» — подразумевает не только обсценную лексику, но и разные стилистические пометы в словаре. Однако стоит напомнить, что стилистические пометы могут появляться именно в результате присоединения к стилистически нейтральной производящей основе оценочного суффикса. Справедливость данной мысли подтверждает и контекст, в котором находится предложенный в исследовании перечень оценочных суффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю. А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных тек-

стов СМИ / Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. — 208 с.

2. Бринёв К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография / К. И. Бринёв. — 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. — 304 с.

3. Веколова А. Ю. Система оценочных суффиксов субстантивного словообразования в русском языке XVIII–XXI вв. (на материале национального русского языка) / А. Ю. Веколова // Научные ведомости (серия «Гуманитарные науки»). — 2016. — № 28 (вып.32). — С. 5–10.

4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М.: Высш. шк., 1986. — 640 с.

5. Галышина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник / Е. И. Галышина. — М.: Проспект, 2023. — 424 с.

6. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник / М. А. Грачев. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. — 360 с.

7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. — Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>, свободный.

8. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В. И. Жельвис // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000. — С. 194–206.

9. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>, свободный.

10. Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем: пособие для учителя / З. А. Потиха. — Л.: Просвещение, 1974. — 125 с.

11. Русская грамматика / [под ред. Н. Ю. Шведовой] — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 789 с.

12. Стернин И. А. Оскорбление в теории и практике лингвистических судебных экспертиз / И. А. Стернин // Коммуникативные исследования: сборник научных статей. — Воронеж: Истоки, 2004. — С. 191–199.

13. Стернин И. А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорблений в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. — Ярославль, 2013. — 35 с.

14. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Гильдия лингвистов-экспертов по док. и информ. спорам, Фонд защиты гласности; [авт.-сост. А. Н. Баранов и др.]. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея 2002. — 423 с.

Воронежский государственный университет
Ильина Т. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: ilina@phil.vsu.ru

Швецова О. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Ilina T. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the
Department of the Russian Language
E-mail: ilina@phil.vsu.ru

Shvetsova O. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language
E-mail: ilina@phil.vsu.ru